

шин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: Корни и крона. М.: Либерия, 1998; Ровенский Г. Родословная Гончаровых. Фрязино Моск. обл., 1999; Лотман Ю.М., Марченко Н.А., Павлова Е.В. Лица пушкинской эпохи в рисунках и акварелях. М.: Искусство, 2000; Рожнова Т.М., Рожнов В.Ф. Жизнь после Пушкина: Ната-

лья Николаевна и ее потомки. СПб.: Вита Нова, 2001; Бессонова А.М. Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки. Очерки. Родословная роспись. СПб.: Бельведер, 2003.

8. РГАДА. Ф. 1336, 1355, 199; РГИА. Ф. 177, 592.

9. Чебаторев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с ее уездами с прибав-

лением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и znameniteйших церквях. М., 1787; Токмаков И.Ф. Город Волоколамск Московской губернии и его уезды. М., 1906; Экономический вестник по Волоколамскому уезду. Волоколамск: Волоколам. уезд. исполн. ком., 1926; Седов А.П. Ярополец. М.: Стройиздат, 1980.

Ирина Николаевна Вельможко

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), заведующая кафедрой истории, доцент, кандидат исторических наук, председатель Пушкинского общества МАИ, Россия, Москва, e-mail: kaf002-501@mai.ru

Irina Nikolaevna Velmozhko

Moscow Aviation Institute (National Research University), head of the department of history, associate professor, candidate of historical sciences, chairman of the Pushkin Society of Moscow Aviation Institute, Russia, Moscow, e-mail: kaf002-501@mai.ru

УДК 908(470-252Царицыно)

Усадьба Царицыно: от райских дней до коммуналок

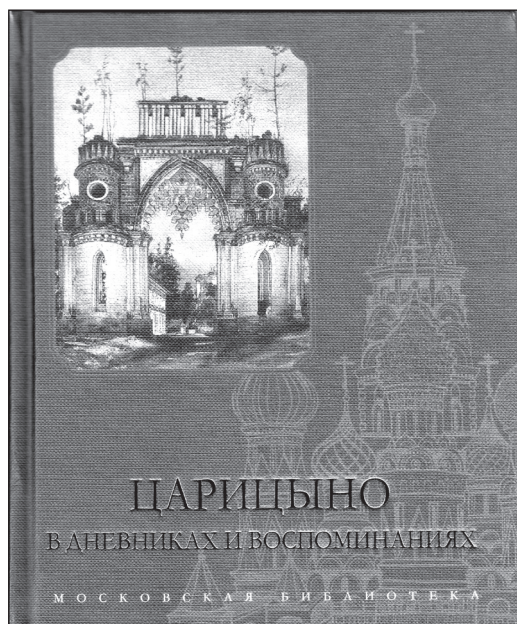
Царицыно в дневниках и воспоминаниях / [авт.-сост. Л.Г. Ерёмкина]. — М.: Кучково поле, 2018. — 302, [1] с., [8] л. цв. ил., карт. : ил., портр, факс. — (Московская библиотека). — 1500 экз.

Черная Грязь — Царицыно — Ленино-Дачное

Москвичи и сегодня любят этот уголок, давно вошедший в границы города. О любви к Царицыну говорит и книжная новинка, выпущенная недавно столичным издательством «Кучково поле». «Эта книга, — пишет во вступлении автор-составитель Л.Г. Ерёмкина, — о царицынских жителях и дачниках, рассказанная ими самими. Кто здесь бывал, чем занимался, о чем размышлял. Об этом рассказывают люди, известные (городу, стране, миру) и неизвестные

подавляющему числу читателей (даже безымянные). История России во многом определяла историю местности Черная Грязь — Царицыно — Ленино, отражаясь в жизни его обитателей. А история жизни и дела многих царицынских жителей и дачников решающим образом влияли на историю России — политическую, деловую, научную, культурную. И частичка этой истории запечатлена в представленных здесь воспоминаниях, письмах и дневниках» (с. 22–23).

Под топонимом «Царицыно» в настоящее время подразумеваются три непохожих друг на друга историко-куль-

турных явления — царская усадьба, район Москвы и Музей-заповедник. Непросто, порою драматично складывалась судьба этого усадебного ансамбля. Все это хорошо показано и в авторском вступлении, и в основных разделах книги.

Читатель с интересом погрузится в историю места, которое не раз меняло название, успев побывать Черной Грязью, и Царицыным, и Царицыным-Дачным, и даже — по неумолимой большевистской воле — Лениным-Дачным...

Каждый новый век оборачивался для Царицына новыми испытаниями. Отрадno сознaвать, что все невзгоды, которыми столь богата российская история, не смогли лишить нас этого замечательного памятника архитектуры, усадебной культуры, русского быта.

Царицыно не обижено вниманием историков, москвоведов и усадебоведов. Однако данная книга не повторяет ни одну из уже имеющихся. Читателю адресованы «Вступление», девять глав: «Село Чёрная Грязь», «Я его назвала Царицыным», «Дачная жизнь в Царицыне удобна», «Царицынские» романы

Ивана Бунина», «Лучше Царицына... не придумаешь», «Открытки из Царицына», «Ленино, Царицыно тож», «Царицыно в годы Великой Отечественной войны», «Москва приходит в Царицыно».

Листая страницы нового издания, отчётливо понимаешь: в искусстве книги нет мелочей. Здесь важно всё: и грамотно написанное вступление, и композиция текста, логично разбитого на тематические главы, и толково составленный зрительный ряд, и тактично поданные авторские комментарии.

Богатому содержанию соответствует достойное художественное оформление: аккуратно выполненный твёрдый переплёт тёмно-вишнёвого цвета с глубоким золотым тиснением и красочным воспроизведением одного из широко известных архитектурных памятников усадьбы Царицыно — Виноградных ворот.

«На даче, как в раю...»

История донесла до нас немало свидетельств, в которых нашла отражение история села Царицыно. Иной раз это несколько коротких фраз, порою — обстоятельные, насыщенные яркими деталями и меткими наблюдениями повествования. Однако по воле автора пёстрая историческая мозаика составила единую картину, превратившись в целостный и волнующий своей искренностью рассказ «от первого лица».

Общий характер Царицына как популярной дачной местности живо передан в очерках художника К. А. Коровина (1861–1939): «...в Пушкине, Царицыне, Люблине, Перловке, Кунцеве, где отдыхали богатые москвичи, дачи строили архитекторы. Они были крыты железом, с фонтанами перед террасой, с металлическим журавлем, из горла которого била струя воды. В садах стояли столбы, увенчанные зеркальными шарами. Дачи были крашены в желтый цвет, украшены разными финтифлюш-

ками, голубыми и красными. Газоны, куртины цветов, дорожки посыпаны песком...

Утром, обернув голову полотенцем, все шли купаться на речку или большие пруды, где на воде стояли деревянные, сбитые из досок купальни. Что за восхищение — эти купальни!

Когда по деревянным мосткам от берега войдешь в них — вас охватывает при виде воды какая-то особая бодря радость» (с. 78–79).

Вероятно, для Константина Коровина, как и для многих разлучённых с Россией соотечественников, Царицыно долгие годы вызывало ностальгические переживания. «Были, — вспоминал он, — излюбленные места: Кунцево, Перово, Царицыно, Пушкино, Перловка, и все новые места открывались москвичами. Понравилось Томилино по Рязанской железной дороге, и там на приволье, в лесу, близ речки, строили дачи. И какие дачи! Из сосны, с резьбой финтифлюшками. Внутри дача разделялась на комнаты. Из зала через стеклянную дверь выходили на террасу; на террасе обедали, пили чай. Терраса спускалась в сад, полный сирени и жасмина. Эти дачи были как новые игрушки, выглядывающие из леса. В даче пахло сосной из лесу и из сада неслись ароматы цветов и сена.

Хорошо было жить на даче — как в раю» (с. 79).

Со временем деревянные дачи потемнели, обветшали, а иные навсегда исчезли из царицынского ландшафта. Но сам ландшафт, неповторимые в своей красоте пейзажи сохранились, они волнуют и радуют нас, и сегодня в Царицыне можно наслаждаться «ароматом цветов и сена», вбирать в лёгкие воздух, который когда-то пьянил Коровина. Не будь книги, о которой идёт речь, мы, вероятно, и не задумались бы об этом...

Нельзя не оценить по достоинству то внимание, которое отведено в изда-

нии литературным страницам истории Царицына: писателям А. П. Чехову, Л. Н. Андрееву и И. А. Бунину.

Вот как пишет в своих «Беседах с памятью» жена И. А. Бунина Вера Николаевна: «Мы всегда презирали дачную жизнь, считая, что нам подобает проводить лето в имении. Но жизнь так слагалась, что мы почти всегда ездили на дачу в Царицыно, к которому как раз подходил поезд с его тыловой, так сказать, стороны. И мы, несмотря на наше презрение к дачам, очень любили эту редкую по разнообразию и красоте местность, с ее огромным тенистым парком, в котором находились екатерининские развалины, заросшие непролазной чащей, с «садами Семирамиды», с беседками, воротами, с полянами, на которых росли столетние сибирские кедры, террасами, спускающимися к причудливому пруду. Но особенно любили мы лес, тянувшийся на несколько верст, и поля, примыкающие к нему. Как раз мимо одного из полей шел поезд. И я вспомнила теннис, устроенный на противоположном краю его, те прекрасные летние зори, когда мы с наслаждением ударяли по упругому мячу или, сидя на дерновой скамье, следили за этой увлекательной игрой» (с. 132–133).

Сладко сознавать, что цела, будучи со всех сторон окружённой городскими кварталами, «эта редкая по разнообразию и красоте местность», «её огромный тенистый парк» с «беседками, воротами и полянами». Благодаря новой книге и сами царицынские пейзажи воспринимаются теперь по-новому, будучи одухотворены былым присутствием здесь дорогих нам представителей русской культуры. Кстати сказать, первая встреча Ивана и Веры Буниных состоялась именно здесь, в Царицыне.

Пожалуй, воспоминания, как ни один другой жанр, позволяют ещё в большей степени проникнуться красотой

и обаянием этого живописного уголка в предместьях старой Москвы.

«Вокруг весной, — пишет В. И. Прохорова, дочь последнего хозяина Трехгорной мануфактуры, — всюду цвели вишневые сады, которые для местных крестьян были источником заработка — в город продавали вишни. Там были милые коттеджи с двумя террасами — верхней и нижней, круг на улице, на котором была разбита клумба с пионами. С холма дорожка, по краям которой росла сирень, вела к пруду. Мы по этой сиреневой аллее спускались к воде, на берегу стояли скамеечки, рядом было место для танцев. Поэтому я никогда не представляла себе дачной местности без воды. Потом уже, после революции, “товарищи” воду спустили и стали на месте пруда сажать капусту» (с. 170).

Пруды, купы сирени, клумбы с пионами, вишневые сады — все это приметы такого замечательного явления отечественной культуры, каким была и каким — вопреки всем историческим невзгодам — продолжает оставаться русская усадебная культура.

В разные годы Царицыно выглядело по-разному. Это отмечают многие. «Теперь, — вспоминала княгиня Т. Е. Волконская в 1941 г., — Царицыно сделалось излюбленным местом прогулок московской публики, но тогда, во времена моего детства, это был уединенный и тихий уголок, очаровательный развалинами дворца, великолепным парком и прудами» (с. 83).

До чего же прекрасны и несокрушимы памятники отечественной архитектуры, если даже развалины дворца будят очарование!

Материал, собранный и представленный читателю автором-составителем, позволяет нам погрузиться в ту жизнь, которая когда-то была ключом в дачах старого Царицына. Вот как описывала Е. Н. Иванова проходившие здесь семейные торжества по случаю именин

её родственницы Юлии Тимофеевны Морозовой: «Обычно это был большой праздник. В Царицыно из Москвы и со всей России съезжалась ближняя и дальняя родня: Крестовниковы, Листы, Морозовы, Стахеевы, Карповы, Вышеславцевы, Кончаловские, Гарелины с детьми, няньками и гувернантками. Даже заказывался ночной поезд, чтобы доставлять гостей до Москвы и обратно. За несколько дней делали гирлянды, венецианские фонари, выкупалось из ломбарда серебро. Чтобы не хранить, его закладывали. Из гостиницы “Метрополь” привозили поваров...

Гости задерживались, кто на сколько хотел. Именинное утро начиналось с церковной обедни — приглашался поп из Заречья. Потом холодный завтрак. Затем гости играли в крокет, теннис, преферанс и вист, катались на лошадях и лодках, пили чай под липами. <...>

Обедали на трех балконах, дети отдельно. Вечером над прудом устраивали фейерверк. Я никогда не видела лучшего фейерверка, за исключением, пожалуй, к 100-летию освобождения Парижа. Потом был домашний бал» (с. 110–112).

Лабиринты Хлебного дома

В послереволюционный период царская усадьба разделила драматичную участь большинства памятников русской усадебной культуры. Об этом с нескрываемым осуждением писал в дневнике за 1924 г. археолог А. В. Орешников: «После обеда... мы пошли в парк; руины дворца заросли (я не был в Царицыно, вероятно, лет 20); обошли большую куртину с двумя великолепными кедрами, верно, времен Петра I, прошли к Миловиде, прошлись по липовой аллее; Миловиду (ее колонки) разрушают, пруд не чищен, зарос; посмотрел на зады нашей дачи на Воздушных садах... Сколько воспомина-

ний связано с Царицыном! Последнюю нашу каменную дачу, так называемый Кавалерский корпус, большевики отделили под детскую колонию, перестроили фасад, сузили окна, стала мерзость мерзостью <...> Пешком дошел до <...> Золотого снопа; колосья на этом храме Цереры сшиблены гражданами нашей республики» (с. 161–163).

В 1920–1930-х гг. дворцовые покои стали пристанищем многих «граждан республики», а если говорить прямо и откровенно — обездоленных людей. Пристанище это было убогим, некомфортным, но памятники архитектуры, подвергаясь беспощадным перестройкам и переделкам, всё же дали кому-то возможность обрести, как говорится, какой-никакой угол. «Хлебный дом... — свидетельствует Н. Ф. Баранова, — разрешили заселять методом “самостроя”. Каждый обустраивал квартиры как мог — ставил двери, перегородки, устраивал печное отопление и дымоход. Благодаря хаотической внутренней застройке Хлебный дом изнутри представлял собой настоящий “Шанхай” — бесчисленные лабиринты, извилистые темные коридоры, которые то сужались, то расширялись, то шли с уклоном, а то с подъемом, зачастую обрываясь тупиком в виде дымохода. Входы в квартиры были также крайне причудливы — одни имели полноценные высокие двери, обитые дерматином, а другие могли напоминать скорее калитки, обитые дерюгой, войти в которые можно было либо боком, либо низко нагнувшись» (с. 212).

Пещеру трудно превратить во дворец. Но ничего не стоит дворец превратить в пещеру!

Дворцовый быт советского периода

Октябрьский переворот 1917 года обернулся немалыми и далеко идущими последствиями для старинной усадьбы, постепенно превратившейся в село Царицыно. В угоду новым хозяе-

вам, весьма бесцеремонно относившимся к российской топонимике, оно получило новое, «более современное» название — Ленино. Понятно, что мнение местных жителей по этому вопросу во внимание не принималось.

Почти все дачи были национализированы, т. е. насильственно изъяты у законных владельцев. Заметно увеличилась численность населения. Однако не за счёт дачников, а за счёт тех, кто бежал от голода, и тех, кто спасался от раскулачивания. Так поселок Ленино, наряду с тысячами других российских поселений, надолго погрузился в неприглядную советскую повседневность.

Внешне всё выглядело «как везде»: здесь работали школы, детские сады, открылись амбулатория при железнодорожной станции и даже новый роддом. В предвоенные годы весь Ленинский район Московской области был электрифицирован.

К середине 1920-х гг. поселок Ленино (москвичи по старой памяти называли его по-прежнему — Царицыно) снова стал популярным местом отдыха. Тысячи людей приезжали сюда из Москвы в выходные и праздничные дни.

Однако одно дело — беззаботно гулять по старинному парку, любоваться величием полузабытых памятников архитектуры, и совсем другое дело — жить здесь годами, а то и десятилетиями. Вот как рассказывает об этом царицынский старожил А. Л. Гришунин (1921–2006), филолог, языковед, доктор филологических наук. «Мы теперь, в отдельных своих квартирах с центральным отоплением, телефоном, газом, горячей водой, пылесосом и стиральной машиной; с “теплым клозетом”, в конце концов! — можем ли мы представить себе жизнь без всего этого, с единственным примусом, который только разжечь надо терпение иметь... Сколько хлопот и сил стоила заготовка дров, даже одно их добывание; растопить печь — тоже целая история.

Внутрстенные дымоходы, устроенные в XVIII веке, бывали засорены, так что печи часто нещадно дымили.

В Хлебном корпусе “удобства”, как теперь говорят, были в дальнем отсеке коридора; разумеется, холодные, порой — ледяные. С заселением всех развалин и усилением чисто “советской” разрухи эту “проблему” пришлось решать кардинально, устраивая выносные сооружения во дворе, а потом и вовсе на краю парка. Канализацией служила открытая канава, сток из которой вел в соседний овраг, под баженковский же “Оранжевый” мост» (с. 191–192).

Так что обитатели царицынских памятников архитектуры скорее не жили, а выживали в прямо-таки спартанских условиях. Справедливости ради надо признать, что люди выживали не только здесь, в ближнем Подмоскowie, но и на всех российских просторах...

Научно-справочный аппарат как зеркало библиографической культуры

Одно из главных достоинств рецензируемой книги заключается в её строго документальной основе. Тут нет «сочинительства», привычной на краеведческой ниве беллетристской составляющей. Зато есть документы и тщательно составленные научные комментарии.

Уместно отметить наличие добросовестно составленного научно-справочного аппарата, позволяющего вдумчивым читателям войти в творческую лабораторию автора-составителя, убедиться в строгой достоверности собранных фактов, а в случае необходимости самим погрузиться в тексты захватывающих исторических источников, какими, бесспорно, являются дневники и воспоминания.

Из чего складывается этот аппарат?

Во-первых, из профессионально составленных комментариев.

Во-вторых, из безукоризненно оформленных библиографических ссылок.

В-третьих, из списка основной литературы, приведённого в конце книги.

В-четвёртых, из «Краткой хронологии истории Царицына», библиографического списка за 1589–2008 гг., а также именного указателя. Всё это делает книгу доступной и привлекательной для читательской аудитории, особенно для самой заинтересованной и взыскательной.

Не словом единым

Читателя привлечёт не только содержание, но и зрительный ряд. Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями.

Можно только догадываться, каких трудов стоило Л. Г. Ерёмовой собрать воедино старую царицынскую иконографию, разыскать в музеях и частных собраниях уникальные портреты и групповые фотографии людей, чьи биографии тесно переплетены с Царицыным, выявить подборку почтовых открыток, написанных самими разными персонами.

Автору-составителю пришлось изрядно потрудиться, «выуживая» необходимые сюжеты из музейных и личных коллекций, из периодической печати и других источников.

Визуальный ряд отличается разнообразием. В первую очередь это подборка старинных изображений усадьбы. Привлекают внимание графические работы В. И. Баженова («Генеральная панорама села Царицыно»), О. И. Бове («Вид с западной стороны села Царицыно от Москвы в 12 верстах»), А. Н. Голицына («Вид на Большой дворец») и др.

Впечатляет и царицынская портретная галерея. Здесь можно видеть лица авторов публикуемых воспоминаний и дневников, портреты Екатерины II и её ближайшего окружения, виды Царицына. Трогательны старые фотографии, погружающие нас в атмосферу

усадебной повседневности второй половины XIX — начала XX в. Перед нами предстают хозяева и гости царьцынских дач, беседующие у кипящего самовара (с. 80), позирующие «на память» в аллеях царьцынского парка (с. 82), созерцающие окрестные пейзажи с открытой дачной веранды (с. 129) или проезжающие по аллеям старинной подмосковной в открытом конном экипаже (с. 84).

Изобразительные материалы обнаружены автором в Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственном литературном музее), Российском государственном архиве литературы и искусства, Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева, Российском государственном историческом архиве, Российской государственной библиотеке.

В книге опубликованы фотографии и иллюстрации из архивов и коллекций автора-составителя Л. Г. Ерёминой, В. В. Егорычева, А. Л. Гришунина, А. А. Васильева, Н. Б. Виллер, А. Ю. Казанцева, Н. В. Оболенского, И. Н. Сергеева, А. П. Ткачева и др.

Ряд текстов и материалов иконографического характера публикуется впервые.

Царицыно в контексте русской культуры

Благодаря новой книге Царицыно по-новому воспринимается в широком историческом контексте. Согретое присутствием таких корифеев, как писатели А. Н. Плещеев, А. П. Чехов, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, Андрей Белый, художники К. А. Коровин, С. Ю. Жуковский, оно выходит за пределы широко известного архитектурного ансамбля и превращается в один из заметных очагов отечественной культуры XIX — начала XX в.

Разнообразная по характеру, небольшая по объёму, тщательно подобранная и выверенная информация важна для понимания истинной ценности многочисленных памятников истории и культуры Царицына — как уцелевших до настоящего времени, так и не сохранившихся.

Неоспоримая заслуга автора заключается во внимании к судьбе Царицына в послеоктябрьский период. При этом судьба выдающегося историко-культурного памятника рассматривается сквозь жизненную призму людей, которые здесь жили, учились, работали.

Книга представляет безусловную ценность с исторической, научной и образовательной точек зрения. Она доступна для понимания любым категориям читателей. Поручкой тому — и язык, и стиль, и расположение материала, который удачно сочетает в себе документальную составляющую, авторские комментарии и зрительный ряд.

Не приходится сомневаться в том, что новое издание будет с интересом встречено музейными работниками, экскурсоводами, москвоведом, усадебоведами и всеми, кому дороги страницы московской истории.

Издательские горизонты

Царицыно, как и другие памятники русской усадебной культуры, нашло отражение во многих исторических документах. Наряду с дневниками и воспоминаниями заслуживают внимания источники изобразительные, документальные, вещественные. Поэтому выход в свет работы Л. Г. Ерёминой — не столько итог, сколько этап в изучении и популяризации замечательного дворцово-паркового ансамбля. Очень возможно, что появление этого труда расширит круг лиц, которым есть что вспомнить о любимом многими поколениями уголке Москвы.

Современное Царицыно — это популярная зона отдыха, музей-заповед-

ник, объект притяжения многочисленных отдыхающих, а также туристских и экскурсионных групп. Достаточно сказать, что здесь ежегодно бывает свыше 7 миллионов москвичей и гостей столицы! Можно помечтать о том, что со временем появится новое, расширенное и дополненное издание замечательного исследования.

Царицыно — далеко не единственная московская усадьба, обладающая неповторимой историей и неподражаемой «аурой места». Хочется верить, что найдутся специалисты, которые скрупулезно соберут и опубликуют воспоминания о таких столичных усадебных комплексах, как Кузьминки, Кусково, Коломенское, Останкино, Люблино.

Книга и её читатели

Исследование, выполненное Любовью Георгиевной Ерёминой, как и следовало ожидать, вызвало немалый интерес у краеведческой общественности.

Достаточно сказать, что в январе 2019 г. книга была представлена на за-

седании комиссии «Старая Москва» в Государственной публичной исторической библиотеке России, в феврале — на «Народном радио» в краеведческой программе «Город чудный — город древний» (ведущий программы — председатель Московского краеведческого общества профессор В. Ф. Козлов), на 177-м заседании — конференц-представлении новой литературы и научно-просветительных проектов по краеведению и москвоведению «Краеведческие встречи на Берсеневке» в палатах Аверкия Кириллова; в апреле — на заседании Общества изучения русской усадьбы.

Это издание может послужить основой для разработки новых экскурсионных маршрутов, без чего трудно представить динамичное развитие внутреннего и въездного столичного туризма.

Остаётся добавить, что книга вышла в рамках Издательской программы Правительства Москвы при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы.

Александр Иванович Фролов

Российский новый университет (РосНОУ), доцент, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, Россия, Москва, e-mail: alexander.frolow@gmail.com

Alexander Ivanovich Frolov

Russian New University (RosNOU), associate professor, candidate of historical sciences, member of the Union of Writers of Russia, Russia, Moscow, e-mail: alexander.frolow@gmail.com

Курьер

■ 11 февраля 2020 г. вышел приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии № 31-ст «О прекращении применения межгосударственного стандарта на территории Российской Федерации». В нём, в частности, сказано: «1. Прекратить при-

менение на территории Российской Федерации межгосударственного стандарта ГОСТ 7.1–2003 “Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления” с 1 июля 2020 г. в связи

с утверждением и введением в действие национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.100–2018 “Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления”».